

Си Цзяюнь не знал, плакать ему или смеяться: он и слова вставить не успел, как маленький Феникс уже навоображал бог весть чего.

— Ну откуда взяться другим птицам? — мягко улыбнулся он. — У меня только ты один.

Малыш Феникс подлетел ближе, требовательно обнюхал его и, убедившись, что от зрителя пахнет лишь вредным Яцзи да несносным Цицинем, а чужого птичьего духа нет и в помине, наконец-то перестал сердито топтать лапками.

Но он все еще дулся и не упустил случая показать свой характер.

[Малыш Феникс требует от зрителя клятвы верности: никаких других птиц! Иначе он лично выщиплет соперникам все перья до единого!]

Си Цзяюнь только мысленно покачал головой. Ну что за пернатый разбойник?

— Хорошо-хорошо, обещаю, — со смехом уступил он. — Никаких других птиц.

Заручившись обещанием, маленький Феникс сменил гнев на милость. От радости он с шорохом распустил свой великолепный хвост, став похожим на крошечного, но необычайно гордого павлина.

Си Цзяюнь взглянул на часы: времени как раз хватало, чтобы приготовить завтрак.

— Ну, мне пора, — попрощался он.

Птица снисходительно кивнула.

«Свободен, человек»

Си Цзяюнь закрыл приложение.

Утром хотелось чего-нибудь легкого, поэтому он приготовил хрустящие картофельные оладьи и взбил в блендере свежее соевое молоко. Усевшись за стол, Си Цзяюнь поддался минутному порыву: сфотографировал получившийся завтрак и выложил в социальную сеть. Теперь оставалось только дожидаться звонка от Цуй Цаньцань.

Ровно в полседьмого зазвонил телефон.

Си Цзяюнь быстро собрался, прихватив с собой порцию оладий для Цуй Цаньцань, и спустился к машине.

Девушка растрогалась чуть не до слез:

— Какое счастье! Меня решили покормить, ура!

— Ешь скорее, пока не остыло, — с улыбкой сказал Си Цзяюнь.

Цуй Цаньцань поспешно откусила кусочек. Корочка приятно хрустнула, явив нежную, тающую во рту начинку. Это было настолько вкусно, что девушка едва не застонала от восторга.

— Цзяцзя! — вдруг воскликнула она с набитым ртом. — Я поняла!

— Что именно? — удивился он.

Поторопившись, Цуй Цаньцань обожгла язык и теперь смешно шепелявила:

— Если тебе вдруг надоест шоу-бизнес, забудь про президента Гао. Просто открой свою закусочную! Пятьдесят тысяч в месяц — и это только на оладьях, помани мое слово!

— Эм... спасибо? — Си Цзяюнь не знал, как реагировать. Но, пожалуй, это можно было считать высшей похвалой его кулинарным талантам.

Покончив с завтраком, они двинулись в сторону съемочной площадки.

Шел октябрь, погода резко испортилась. По утрам и вечерам на улице стоял пронизывающий холод. Си Цзяюнь приехал с запасом времени, но Мэн Шэн оказалась еще прилежнее. Завидев его, она уныло помахала рукой:

— Привет, Цзяцзя. Наконец-то ты тут.

— Что с тобой? — заботливо спросил он. — Не выспалась?

Она сокрушенно покачала головой:

— Если бы... Все из-за сегодняшней сцены. Этот ритуальный танец меня просто доконал! Сколько ни репетирую, учитель Цун Мэй все равно недовольна.

Си Цзяюнь вспомнил сценарий.

Сегодня им предстояло снимать великое жертвоприношение клана Фениксов. Будучи духовным племенем, они свято верили в волю богов и каждые десять лет устраивали пышные

ритуалы, моля о мире и процветании. Чего они не знали, так это того, что их клан, подобно некогда великим Драконам, давно предан забвению небесами. Драконы уже угасли, а Фениксы все еще цеплялись за жизнь лишь потому, что Фэн Чао в одиночку нес бремя проклятия.

Все их моления были не более чем иллюзией, попыткой обмануть самих себя.

Но все изменилось, когда Фэн Чао встретил Кун Сюань. Почувствовав, что в девушке скрыта нить истинной судьбы, он велел ей исполнить священный танец на алтаре. Старейшины клана пришли в ярость: среди пернатых Феникс всегда стоял на вершине, и позволить какому-то павлину прикоснуться к святыне считалось святотатством. Однако Фэн Чао проигнорировал их протесты.

Во время ритуала, когда Кун Сюань еще не завершила свой танец, небеса разверзлись проливным дождем, а гадание предсказало скорую гибель.

Именно к этой сложной сцене Мэн Шэн и готовилась с таким усердием.

— И как успехи? Совсем не получается? — поинтересовался Си Цзяюнь.

Мэн Шэн несчастно вздохнула:

— Да вроде нормально, просто движения немного скованные. Но учитель Цун Мэй говорит, что в моем танце нет «души». Мол, нужно больше репетировать, поймать нужное настроение, чтобы танец казался возвышенным, неземным... Как по мне, добавили бы спецэффектов на монтаже, и дело с концом!

Разумеется, высказать это в лицо хореографу Мэн Шэн не осмелилась бы и под страхом смерти. Учитель Цун Мэй была известной балериной и балетмейстером. Режиссер Гэ Хэ пригласил ее исключительно по старой дружбе, чтобы она лично поставила этот танец для фильма.

Но для настоящего мастера танец — это не просто набор красивых и плавных па, а глубокое внутреннее высказывание. Для Мэн Шэн это было непостижимой высотой. Ей бы хоть базовую грацию освоить, куда уж там до глубинного смысла! Вот ее и гоняли без жалости.

Пока они разговаривали, к ним подбежала помощница актрисы:

— Сестра Мэн, учитель Цун Мэй спрашивает, закончила ли ты отдыхать. Скоро съемка, пора повторить движения.

Мэн Шэн смерила Си Цзяюня полным отчаяния взглядом и, покорная судьбе, поплелась обратно на репетиционную площадку. Си Цзяюнь едва сдержал улыбку.

Съемки должны были начаться еще не скоро. Повсюду сустились рабочие: кто-то таскал реквизит, кто-то монтировал декорации. Си Цзяюню делать было нечего, поэтому он устроился на стуле в сторонке и открыл социальные сети. Экран тут же запестрел уведомлениями.

Под фотографией его завтрака уже набралось несколько комментариев:

«Цинь Шэн: Слюнки потекли...»

«Режиссер Гэ: Ты всё один съешь? Если останется, неси на площадку, я помогу прикончить.»

«Фу Цзя: О-о-о, как вкусно выглядит! Цзяцзя, а ты помнишь, что обещал прийти к нам и приготовить ужин вместе с моим братом? Может... почему бы не сегодня? Как раз отличный день! QAQ»

Это напоминание пришлось как нельзя кстати. У Си Цзяюня на сегодня была запланирована всего одна короткая сцена, так что вечер оставался полностью свободным.

Он открыл личные сообщения с Фу Цзя:

«Си Цзяюнь: Сегодня я могу»

Девушка, очевидно, не ожидала столь быстрого согласия:

«Фу Цзя: Правда?! Прямо сегодня?!»

«Си Цзяюнь: Да. Но свободен ли твой брат?»

«Фу Цзя: Сейчас наберу его и всё узнаю!»

«Си Цзяюнь: Хорошо»

Спустя пару минут прилетел ответ:

«Фу Цзя: У него тоже нет планов!»

«Си Цзяюнь: Отлично, тогда договорились»

Отложив телефон, Си Цзяюнь от нечего делать принялся наблюдать за репетицией Мэн Шэн.

Репетиция затянулась почти на два часа. За это время на площадке собралась вся съемочная группа, декораторы завершили последние приготовления, а сам Си Цзяюнь успел запомнить чуть ли не каждое движение ритуального танца. Вот только у Мэн Шэн дело никак не шло на лад. В конце концов терпение лопнуло не только у нее, но и у приглашенного хореографа.

Учитель Цун Мэй в полном унынии подошла к режиссеру Гэ Хэ:

— Всё, довольно. Снимайте как есть. Только умоляю: когда будете монтировать титры, не вздумайте указывать меня в качестве постановщика этого танца. Мне мои нервы дороже.

Режиссер Гэ Хэ почесал затылок, изо всех сил сдерживая смех.

— Ну... тогда начнем?

Спустя десять минут прозвучала команда к началу съемок.

Си Цзяюнь поднялся на помост для жертвоприношений.

Следом за ним вереницей потянулись другие актеры. Ближе всех шел Бай Цинчи, игравший преданного телохранителя владыки.

Ритуальное одеяние Фэн Чао поражало своим великолепием: широкое, с бесконечным многослойным шлейфом, тянущимся по полу. Однако ради создания «неземного» образа костюмеры сшили его из тончайшей летящей ткани. Си Цзяюнь изрядно подмерзал на сквозняке и невольно покосился на Бай Цинчи, чьи тяжелые доспехи выглядели куда более теплыми.

Заметить этот взгляд, Бай Цинчи, даже не пытаясь скрываться, закатил глаза.

Си Цзяюнь мысленно вздохнул.

Что ж, ладно. Не больно-то и хотелось смотреть.

Он поднялся на самый верх алтаря и уже приготовился произнести первую реплику, как вдруг раздался зычный голос режиссера:

— Бай Цинчи! Ты чего на Си Цзяюня волком смотришь? Ты его верный защитник, а не кровный враг!

На площадке повисла тишина.

Бай Цинчи застыл. Си Цзяюнь тоже.

— Я не смотрел, — сквозь зубы выдавил Бай Цинчи.

Но, поймав ответный взгляд Си Цзяюня, тут же снова сердито сощурился:

— Сказал же, не пялюсь я на тебя!

— Да-да, конечно, — примирительно согласился Си Цзяюнь, хотя в душе забавлялся. — Тебе показалось.

Бай Цинчи едва не задохнулся от возмущения. Черт бы его побрал, он что, издевается?!

Режиссер Гэ Хэ дал отмашку, и съемка возобновилась. Си Цзяюнь занял свое место на возвышении. Подняв золотой кубок, он, не поднимая глаз, произнес холодным, размеренным тоном:

— Да начнется ритуал.

Тут же вперед выступил жрец. С каждым шагом совершая земной поклон, он приблизил священный меч клана Фениксов к алтарному столу. С глухим стуком он склонил голову до самого пола и замер в глубоком почтении, высоко подняв оружие на раскрытых ладонях. В этот момент к алтарю плавной походкой направилась облаченная в роскошные шелка Мэн Шэн.

Увидев, что вместо законной святой девы к священному мечу приближается чужачка, толпа Фениксов взволнованно зашептала. По рядам пополз ропот недовольства.

Си Цзяюнь медленно поднял голову. Стоило его величественному, холодному взгляду скользнуть по собравшимся, как недовольный гул мгновенно стих. Воцарилась мертвая тишина. Мэн Шэн уверенно приняла меч из рук жреца.

— Да начнется священный танец! — провозгласил глашатай.

Мэн Шэн медленно обнажила клинок.

Этот танец она репетировала без усталости, и все движения должны были отскакивать от зубов. Однако на репетициях она использовала легкий деревянный муляж, а настоящий реквизитный меч оказался непривычно тяжелым.

Ее сердце ушло в пятки.

«Только не ошибись, только не ошибись!»

Но закон подлости сработал безукоризненно. Пытаясь сделать красивый разворот и прокрутить клинок, она не удержала равновесие. Пальцы соскользнули, и меч с металлическим звоном рухнул на каменный пол.

— Снято! Точнее, стоп! — скомандовал режиссер Гэ Хэ.

Мэн Шэн вспыхнула от смущения:

— Простите, пожалуйста...

Гэ Хэ понимающе махнул рукой:

— Ничего страшного. Давайте сначала.

— Подождите пару минут, я попробую еще раз, — взмолилась актриса. — На репетициях я привыкла к другому весу, сейчас руки совсем не чувствуют баланса.

— Ладно, пробуй, — согласился режиссер.

Си Цзяюнь немного подождал на своем возвышении. Поняв, что перерыв затягивается, он спустился к актрисе. В этот момент Мэн Шэн как раз пыталась приноровиться к оружию, делая скользящее движение вдоль лезвия.

— Держи клинок строго горизонтально, — негромко подсказал Си Цзяюнь.

Мэн Шэн удивленно округлила глаза:

— Ты умеешь танцевать с мечом?

— Немного, — скромно улыбнулся он.

В свое время, участвуя в музыкальных шоу, он получил неплохую хореографическую подготовку. Базовые элементы владения холодным оружием ему тоже довелось освоить. К тому же учитель Цун Мэй, понимая, что Мэн Шэн далеко не профессионал, намеренно упростила рисунок танца. Она убрала излишнюю воинственность, сделав упор на плавность и изящество, чтобы танец гармонично смотрелся в храмовой сцене.

Наблюдая за репетициями два часа подряд, Си Цзяюнь невольно запомнил всю схему.

Мэн Шэн последовала его совету и повторила движение, затем медленно провернула рукоять в ладони. На этот раз обошлось без падений, но Си Цзяюнь слегка покачал головой:

— Плечи не поднимай.

— А? — растерялась она.

— Давай покажу, — Си Цзяюнь протянул руку. — Одолжишь на секунду?

Мэн Шэн с радостью передала ему оружие.

Си Цзяюнь уверенно перехватил рукоять. Одним легким движением кисти он заставил тяжелую сталь ожить: лезвие описало в воздухе безупречный, стремительный круг, плавно перейдя в изящную петлю. Движения его были настолько естественными и выверенными, что сразу становилось ясно — перед ними мастер своего дела.

— Потрясающе! — ахнула Мэн Шэн.

Си Цзяюнь лишь улыбнулся и снова продемонстрировал выпад:

— Клинок должен идти на уровне груди. А когда уводишь острие вниз, слегка доворачивай кисть внутрь.

В теории всё звучало просто, но для Мэн Шэн это была непосильная задача. Она сокрушенно вздохнула:

— Вот почему у тебя это выглядит как древнее искусство, а у меня — как утренняя физкультура?

— Это всего лишь дело привычки, — подбодрил ее Си Цзяюнь. — Попробуй еще раз.

Мэн Шэн со вздохом забрала свой «источник мучений». Но стоило ей приготовиться к новому выпад, как она заметила подошедшую учительницу хореографии.

— Учитель Цун Мэй, — поспешно поздоровалась девушка.

Та кивнула и обратилась к Си Цзяюню:

— У тебя отличная база.

Обыватель видит лишь красивую картинку, но профессионал сразу замечает детали. По паре мимолетных движений Цун Мэй поняла, что у этого юноши за плечами годы тренировок. Измученная неуклюжестью Мэн Шэн, она смотрела на него как на спасительный оазис посреди пустыни.

— Я помню тебя, — оживилась женщина. — Ты пришел сегодня раньше всех. Моя хореография состоит из базовых элементов, ты ведь наверняка запомнил их, пока наблюдал за ней?

— Ну... в общих чертах, — скромно признался Си Цзяюнь.

— Тогда покажи, на что способен, — предложила хореограф.

Мэн Шэн тут же сунула меч Си Цзяюню в руки, вздохнув с небывалым облегчением.

Си Цзяюнь на миг прикрыл глаза, мысленно восстанавливая сложный рисунок движений. Его пальцы мягко, но крепко легли на прохладную рукоять. И вдруг в его сознании отчетливо воскрес утренний образ маленького Феникса.

Огненная птица, взмывающая к небесам, раскинутые крылья, каскад золотистых искр, осыпающих землю... В том полете было столько царственной гордости, чистого, почти божественного величия.

Си Цзяюнь открыл глаза — и сделал первый шаг.

Вскинув клинок, он замер в безупречной стойке. Подол алого шелкового халата колыхнулся от легкого дуновения. В следующую секунду юноша плавно повел рукой, заставляя сталь описать в воздухе мягкую дугу. Его движения, подобные плывущим облакам, казались неспешными, но в них не было медлительности — лишь завораживающее, царственное изящество. Чуть приподняв подбородок, он резко выбросил лезвие вперед и крутанулся на месте. Тяжелые полы одеяния взметнулись алым веером.

Режиссер Гэ Хэ не смыслил в хореографии, но красоту чувствовать умел.

Танец Си Цзяюня лишал оружие его привычной воинственной резкости, превращая каждый выпад в элегантный росчерк. Каждое движение дышало благородством и удивительным покоем. Гэ Хэ поймал себя на поразительной мысли: перед ним стоял не просто актер, перед ним оживал сам Фэн Чао. Ведь только владыка Фениксов мог танцевать на алтаре с такой неприкрытой гордостью, доведенной до абсолютного совершенства.

Этот парень не просто вживался в роль во время диалогов — он подчинял образу каждую мышцу своего тела!

— Потрясающе... — замороженно прошептал режиссер. — Просто невероятно.

Но еще сильнее была потрясена Цун Мэй. Ее глаза горели профессиональным восторгом:

— Разве это просто «неплохо»?! Без внутренней силы танец мертв, без характера он превращается в набор движений!

В их искусстве превыше всего ценилось слияние формы и духа. Обычные шаги и позы — это лишь внешняя оболочка. Истинное мастерство крылось в неуловимой грации, в той самой «душе» танца, которую невозможно симитировать. Именно этого не хватало Мэн Шэн.

Но Си Цзяюнь... В его движениях пульсировала жизнь!

С самого первого взмаха меча Цун Мэй казалось, будто она грезит наяву.

Ей виделось, как гордый, недостижимый Феникс снизошел до бренной земли, взял в ладони сталь и исполнил священный ритуал ради смертных.

Но зачем высшему существу этот пустой ритуал?

Огненный Феникс кружился в ленивом, исполненном легкого презрения танце. Полы багряных одежд взлетали волнами, золотая вышивка вспыхивала под софитами, напоминая сполохи священного пламени, вобранного в себя все краски заката.

— В нем живет птица... В его душе таится Феникс! — выдохнула Цун Мэй, не в силах отвести взгляд.

Гэ Хэ, решив, что она имеет в виду персонажа, понимающе кивнул.

А Си Цзяюнь продолжал свое движение. Меч взмывал вверх, описывая безупречные полукружья; шаги его оставались легкими, парящими. В каждом жесте чувствовалась абсолютная свобода. И вот — финальный аккорд. Си Цзяюнь резко взмахнул клинком, рассекая воздух. Порыв ветра взметнул его длинные рукава, и алая ткань вспыхнула подобно настоящему пожару, затмевая все вокруг своей ослепительной красотой.

На площадке воцарилась оглушительная тишина. Никто не смел нарушить это мгновение.

Си Цзяюнь плавно опустил меч и перевел дух. Слегка запыхавшись, он виновато произнес:

— Простите, я некоторые движения подзабыл...

Не дождавшись ответа, он смущенно огляделся по сторонам:

— Что-то не так?

— И это называется «немного умею»? — тупо переспросила Мэн Шэн.

— Ты утверждал, что знаешь лишь основы?! — уставился на него Гэ Хэ.

— Но я действительно знаю только основы... — растерялся юноша.

Не успели они высказать всё, что думают о его «скромности», как к Си Цзяюню подлетела Цун Мэй. Ее глаза горели безумным восторгом:

— Молодой человек, вы превосходны! Я словно увидела воочию полет мифической птицы! Не хотите сменить сферу деятельности? Да вам даже переучиваться не нужно, просто смените съемочную площадку на театральные подмостки! У вас редчайший дар, то чувство внутренней гармонии, к которому иные артисты идут десятилетиями! Вы должны танцевать!

— Так, стоп, — вмешался опешивший Гэ Хэ. — Уважаемая, я вас пригласил танец ставить, а вы у меня ведущего актера среди бела дня уводите?!

— У него колоссальный потенциал! — не сдавалась хореограф. — Не губите талант в своем кинематографе, отдайте его мне!

— Он великий актер! — сердито парировал Гэ Хэ. — Вот у вас-то он точно пропадет!

— Ничего подобного! Если он пойдет ко мне, я сделаю его звездой. Обещаю, через три года у него будет собственное сольное шоу!

— Три года? — фыркнул режиссер. — Да за эту роль он уже в следующем году получит престижную премию!

Цун Мэй лишь презрительно скривилась:

— Мы говорим об искусстве! Понимаете? Настоящее искусство не измерить какими-то там статуэтками!

— И много ваше искусство приносит денег? — проворчал Гэ Хэ.

Спор разгорался всё сильнее, собеседники явно говорили на разных языках. Си Цзяюнь вздохнул и попытался вернуть меч Мэн Шэн, но та замахала руками так яростно, словно ей предлагали ядовитую змею:

— Нет-нет-нет, забери! Зарядку я еще осилю, но этот танец — увольте, ни за какие коврижки!

Тут актрису осенило:

— Режиссер Гэ, а давайте Цзяцзя сам станцует эту сцену?

Гэ Хэ не успел даже открыть рот, как хореограф радостно подхватила:

— Прекрасная идея! Я только за!

Режиссер задумался:

— Хм... Придется переписать сценарий. Хотя... почему бы и нет?

Он отошел переговорить с продюсерами и через несколько минут вернулся, сияя от удовлетворения:

— Решено, переделываем сцену. По новому сюжету Фэн Чао настаивает, чтобы Кун Сюань исполнила ритуал, надеясь заручиться ее благословением. Однако девушка оступается и роняет меч. Это дурной знак, среди клана начинается паника. Тогда Фэн Чао сам поднимает клинок и продолжает танец. Стояла ясная погода, но прямо посреди его выступления небо внезапно затягивает тучами и обрушивается ливень — предвестник грядущей катастрофы.

Договорив, Гэ Хэ шутливо подмигнул Си Цзяюню:

— Ну что, Сяо Цзя, на церемонии открытия ты уже продемонстрировал нам свой талант вызывать осадки. Может, и сейчас наколдуешь дождичек? Сэкономим на пожарных машинах.

<http://bllate.org/book/18988/1951501>